

*Есть более сильные чары, нежели те, о которых когда-либо грезили
ваши заурядные маги.*

Джозеф Конрад «Победа»

БЛАГОДАРНОСТИ

Арчи и я особенно хотели бы поблагодарить двух человек, привлечение которых к этой книге было фактически столь же глубоким и длительным, как наше собственное. Мери Арнольд внесла свой вклад точными редакторскими предложениями, участвовала в нашей внутренней и внешней жизни и помогала создать атмосферу, в которой мы смогли попробовать претворить в жизнь идеалы книги. Донна Гертлер работала с нами над многими, многими версиями рукописи, исследовала и путешествовала вместе с нами и разделяла успехи и неудачи наших попыток.

Мы ценим также сочувственные и полезные комментарии, сделанные несколькими другими читателями рукописи: Барбарой ДюБоис, Рут Кэрей, Стэнли Саговым и Джулией Веллакотт, так же, как читателями отдельных глав, которые слишком многочисленны, чтобы быть внесенными в настоящий список. Есть также два друга, которые поддерживали нашу работу своим гостеприимством, практической помощью и советом: Майкл Гросс и Стэнли Морс. Время, место и структура были обеспечены нам консультационной компанией Fred's Firm, Inc.

Наконец, мы многим обязаны нашему издателю, Терри Тэплинджеру, и нашему редактору, Бобсу Пинкертону. Их вера и вклад в эту книгу помогли придать ей форму и сказать то, что мы хотели. Оно здесь.

С.П.

ВВЕДЕНИЕ

Любовь и зависимость: сопоставление выглядит странным. И все же, в этом нет ничего странного, поскольку аддикция имеет настолько же большое отношение к любви, как и к наркотикам. Многие из нас — аддикты, но не знают об этом. Мы тянемся друг к другу, руководствуясь теми же самыми потребностями, которые заставляют одних людей пить, а других — употреблять героин. И этот вид аддикции столь же деструктивен и намного более распространен, чем другие.

Умозрительно любовь и аддикция вообще не имеют ничего общего. Это полярные противоположности. Ничто не может быть настолько далеким от истинной любви — понимаемой как обязательство к взаимному росту и реализации потенциальных возможностей — чем отчаянная корыстная зависимость, которую, в случае с наркотиками, мы называем аддикцией. Однако, на практике мы склонны их путать. Мы часто говорим «любовь», когда в действительности подразумеваем и отыгрываем аддикцию бесплодные, застывшие зависимые отношения с другим человеком, выполняющего роль объекта нашей потребности в безопасности. Эта межличностная зависимость не похожа на аддикцию, и не аналогична ей; это и есть аддикция. Это аддикция в такой же степени, в какой ею является наркотическая зависимость.

Данная книга — в некоторой степени личная. Я начал писать ее, когда наблюдал разрушительные психологические и моральные последствия многих любовных отношений. Я пришел к заключению, что такие отношения не соответствовали ни провозглашаемому их участниками идеалу любви, ни тому, как я понимал любовь. По мере того, как границы рассмотрения расширялись, я развивал тему, по мере возможности, в форме психологических описаний. Это вымышленные рассказы, порожденные не столько клиническим наблюдением, сколько обычным опытом. Несмотря на вымышленность героев этих рассказов, они, в некотором смысле, знакомы всем нам. Являясь сложными описаниями обычно наблюдаемых паттернов поведения, они не изображают фактически существующих индивидуумов, но являют собой образы людей, пойманных в ловушку аддиктивных отношений, и личностей, которые стали достаточно зрелыми для того, чтобы любить от силы, а не от нужды.

Эти истории отражают опыт молодых людей в послевоенной (имеется в виду Вторая Мировая Война) Америке. Они о том, как изолированная жизнь наших семей времен нашего детства — наряду с манией поиска друзей и подруг, мужей и жен, свойственной нашей эпохе — приводит нас к зависимости от других людей. Такова судьба большинства американцев. Верно, что бедность может быть причиной аддикции, но по молодежи среднего класса мы видим, что материальный комфорт также может внести в нее свой вклад. Аддикция может быть неизбежной, когда человек отвергает средства и возможности решения своих проблем. Она также может возникнуть вследствие защищенности от реальности, которую обеспечивает чрезмерно поддерживающая окружающая среда. Поэтому совсем не случайно то, что многие истории на этих страницах — об относительно привилегированных людях, взросление которых было отсрочено долгими годами учебы. Настолько, насколько возможно, эта книга именно о взрослении.

В сегодняшнем изменчивом мире есть множество людей, имеющих опыт неблагоприятной или отчаянной любви. И есть множество людей, которые могут идентифицироваться с переживаниями бесцельности своего существования и неуверенности в себе, страха и бегства от жизни. Некоторым читателям такое расширенное понимание аддикции может дать конкретную возможность интерпретировать свой опыт. И в этом смысле «Любовь и зависимость» — также личная книга, значимость которой может быть определена только самим человеком.

Это — книга об аддикции, фокусирующейся на межличностных отношениях. Ее главная цель состоит в том, чтобы исследовать, что такое аддикция на самом деле — в психологическом, социальном и культурном плане. Эта задача осуществляется двумя способами — сначала показывается, что реально происходит, когда человек становится зависимым (или сопротивляется зависимости) от наркотиков; затем демонстрируется, как тот же самый процесс может идти в других областях нашей повседневной жизни, особенно в отношениях с теми, кем мы увлечены глубже всего.

Первая часть этого исследования является относительно простой и прямой, так как большая часть работы уже была сделана. Исследователи наркотиков, такие, как Исидор Чейн, Чарлз Виник и Норман Зинберг, убедительно показали, что аддиктами делают людей не наркотики, а они сами. Героин и морфин не всегда вызывают «физические» симптомы, которые мы связываем с аддикцией, в то время как они могут присутствовать и действительно

встречаются в случае других наркотиков, типа сигарет и кофе, и зависят от происхождения употребляющего, его ожиданий, настроения и эмоциональных потребностей. Как только мы рассмотрим это, все, что останется — это интерпретировать аддиктивный процесс, чтобы выявить его применимость к любви и другим человеческим занятиям.

Если известно, что аддикция не является в первую очередь следствием химических свойств наркотика или организма, и если мы в этой связи должны расширить нашу концепцию вызывающих зависимость объектов, включив в нее более широкий диапазон веществ, тогда зачем ограничиваться веществами? Почему не посмотреть на целый ряд вещей, действий и даже людей, от которых мы можем и действительно становимся аддиктивно зависимы? Мы должны реально сделать это, чтобы понятие аддикции было жизнеспособным. В настоящее время слово «аддикция» как научный термин вышла из употребления из-за массы противоречивых данных о наркотиках и их эффектах. Так как люди, часто употребляющие наркотики, не становятся аддиктами, ученые начинают думать, что аддикции не существует. Однако, попутно мы находим, что это понятие используется во все увеличивающемся числе контекстов — «аддикция к работе», «аддикция к азартным играм» — потому что оно описывает то, что реально происходит с людьми.

Аддикция действительно существует, и это большая проблема человеческой психологии. Понимание аддикции поможет ответить на вопрос, почему мы неоднократно возвращаемся к вещам, которые делали прежде, то есть прояснить вопрос привычки. Аддикцию можно считать патологической привычкой. Она может быть связана с человеческими потребностями, например, в еде и любви, так же, как с предметами, без которых люди могут обойтись, типа героина и никотина.

Другими словами, аддикция не является чем-то таинственным, о чем не может рассказать наш обычный опыт. Это пагубное разрастание, крайность, нездоровое проявление нормальных человеческих склонностей.

Мы можем видеть аддиктивные тенденции в себе самих, даже когда не назвали бы себя всецело, или в основе своей, аддиктами. Вот почему идея аддикции может быть важным инструментом нашего самопонимания. Но для того, чтобы была понятна ее важность, она должна быть переопределена. Нужно произвести фундаментальное изменение в том, что мы думаем об аддикции.

Если мы хотим переформулировать понятие аддикции, мы можем начать с того места, где оно обычно и традиционно применяется, то есть с наркотиков. Есть некоторые книги, скажем, «Вероисповедание Трудоголика» Уэйна Оутса, которые принимают обычную теорию химической аддикции и проводят неформальную, полу-юмористическую аналогию с паттернами навязчивой работы. Такая книга полезна, и именно по той причине, что она показывает, как люди начинают использовать понятие аддикции для объяснения разнообразных областей своего опыта. Но Оутс не рассматривает следствий аналогии, которую проводит. То, что мы хотим сделать — не применение существующего понятия аддикции к любовным отношениям, а изменение самого понятия. Это подразумевает рассказ о том, как на самом деле действуют наркотики. Если мы стремимся установить, что аддикция так же реальна и так же конкретна, когда ее объектом является человек, а не наркотик, то мы должны сначала рассмотреть старые стереотипы «физической аддикции» и «наркотической аддикции», так глубоко укоренившиеся в нашем сознании.

Как социальный психолог, имеющий дело главным образом с человеческими отношениями, я в первый раз заинтересовался наркотиками, когда увидел, как неверно люди истолковывали человеческие проблемы, подменяя их физическими или биохимическими. Скоро мне стало ясно, что наши установки в отношении наркотиков разоблачают нас самих. Это та область, где беспокойство общества об индивидуальной автономии проявляется наиболее явно. В центре наших тревог находится страх внешнего контроля над умами и душами людей. Этот страх присутствует во всех Западных странах, где употребление наркотиков считается социальной проблемой. Но Америка показала пример более экстремальной реакции на наркотики, особенно на опиаты, чем любая другая страна в мире. И именно потому, что здесь чувствуется самый серьезный конфликт, касающийся невозможности существования вне традиционного идеала личной инициативы.

Когда мы думаем о том, что позволяет наркотикам оказывать такое влияние, о том, что они могут, и изучаем их, мы узнаем о своих установках по отношению к самим себе. Ключом к пониманию восприимчивости к аддикции являются вопросы самообладания и господства над окружающей средой; мы думаем о наркотиках, как о всемогущей субстанции, потому что сомневаемся в собственной психологической силе. История изменения реакции Америки на вещества, изменяющие сознание (даже на марихуану

и ЛСД, которые не считаются «аддиктивными»), во многом говорит нам о том, как мы воспринимаем свою собственную силу — как индивидов и как общества. Другими словами, это свидетельствует о нашей предрасположенности поддаваться аддикции — к наркотикам, к людям, вообще к чему-нибудь.

Межличностная или любовная аддикция является наиболее распространенной, но наименее признанной ее формой. Акцентирование на этом внимания помогает разрушить стереотип «химического аддикта» и достигнуть лучшего понимания того, каким образом аддикция затрагивает нас всех. С другой стороны, антитеза аддикции — реальная связанность с миром, и нет более мощного выражения такой связи, чем любовь или истинная отзывчивость к другому человеку. Проблема любви в противовес аддикции очень близка нам в жизни, и, следовательно, мы можем что-то делать с ней индивидуально.

Окружающая среда, которая наиболее важна для нас — это человеческое окружение. Поэтому, становясь аддиктами, мы бываем склонны «подсаживаться» на людей. Таким же образом, наша заветная мечта избежать аддикции или вырваться из ее оков осуществима при условии научения лучшим способам обращения с людьми. Это верно не только для романтических увлечений, но и для семейных уз и дружбы.

Наши семьи имеют огромное влияние на наш аддиктивный или неаддиктивный потенциал, так как учат уверенности в себе или беспомощности, самостоятельности или зависимости. За пределами семьи большая часть современного социального окружения существует в форме организаций (институций) — таких, как школы. Опыт взаимодействия с такими учреждениями может поселить в нас серьезные сомнения в своей способности управлять собственной жизнью, не говоря уже о творческом взаимодействии с остальной частью мира. Действительно, они могут полностью препятствовать нам в развитии такой способности. И тогда возникает импульс к бегству и зависимости. Поэтому одной из лучших вещей, способной оградить нас от аддикции, является понимание того, как наше социальное окружение влияет на нас, и развитие внутренней силы для того, чтобы стать чем-то большим, нежели порождение общества.

Аддикция — не химическая реакция. Аддикция — это опыт, основанный на шаблонной субъективной реакции человека на то, что имеет для него особое значение — что-то, что он воспринимает как настолько безопасное и успокаивающее, что он не в силах

без этого обойтись. Если мы хотим достигнуть понимания аддикции, то должны прекратить обвинять наркотики и обратить внимание на людей, на себя и на то, что делает нас зависимыми. Мы приобретаем привычку к зависимости, вырастая в культуре, причающей нас к ощущению личной неадекватности, опоре на внешние защиты и озабоченности скорее негативным или болезненным, чем позитивным и радостным.

Аддикция в нашем обществе не является аномалией. Это не отклонение от нормы; это — сама норма. Зависимость, называемая аддикцией — зеркальное отображение более фундаментальных зависимостей, которым мы учимся дома и в школе. Аддикт ищет поверхностного, внешнего контакта с жизнью (с помощью наркотиков или так называемой «любви»), что напрямую ведет к поверхностным, несерьезным отношениям друг к другу, к своему собственному разуму и телу, физическому миру, обучению, работе и игре. Молодые люди, которые внезапно отвергают принятые обычаи и ищут утешения в наркотиках или в религиозной коммуне, только выражают тенденции, так или иначе всегда присутствовавшие в их домашней и школьной жизни.

Чрезмерный родительский контроль, искусственные критерии обучения и почтительное отношение к установленным институциям, например, к организованной медицине — наряду с другими культурными влияниями — объединяются, чтобы оставить нас без «якорей», обеспечиваемых непосредственным ежедневным опытом. Что можно сделать для борьбы с этим широко распространенным аддиктивным дрейфом? Мы можем начать овладевать инструментами самоанализа, развивать критерии для оценки своих личных увлечений и задаваться вопросами, которые обычно не приходили нам в голову. Выяснение того, не является ли некоторый вид «любви» аддикцией, может быть первым шагом к переосмыслению и реструктурированию всей жизни.

Эта книга движется по возрастающей, от меньшего к большему: от наркотических эффектов к портрету аддикта как личности, затем к отношениям между двумя людьми, далее — к социальным причинам аддикции, и, наконец, к возможностям для личного роста и социального изменения. Нашей целью является увеличение самоосознания и самореализация. По самой природе аддикции, ее легче диагностировать, чем вылечить. Так как приверженность простым, универсальным решениям в жизни — как раз и есть сама проблема, с которой мы имеем дело, то любое обращение к подобной программе ее разрешения обеспечивает лишь

замену одной аддикции другими, что аддикты постоянно и делают. Поскольку проблема коренится в недостатке надежных основ в жизни — из-за нехватки жизненного опыта, удовлетворенности и самореализации — любое реальное решение неизбежно будет сложным. Такое решение, конечно, повлечет за собой развитие внутренних способностей — интересов, удовольствий, умений — чтобы противодействовать желанию бегства и самозабвения. Оно подразумевает желание и владение чем-то, что можно предложить другому человеку. Любовь становится возможной благодаря целостности существования двух индивидуумов, объединившихся не из пассивной зависимости, а из уверенности и силы.

ГЛАВА 1. ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

*Я нуждаюсь в твоей любви, чтобы выжить.
Без нее я жив лишь наполовину.
Я забываю всю свою гордость.
Я не мог оставить тебя, девочка, если даже
пытался.
Прежде чем я полюблю кого-нибудь другого,
Мне лучше побыть одному.
Детка, я должен иметь тебя, детка!*

AL HAMILTON, HERMON WEEMS, WILLIAM GARRETT,
I've Got to Have You
©1968, Jobete Music Company, Inc., Hollywood, California

Несколько лет назад я начал думать, что то, что люди называют любовью, иногда может быть аддикцией. Это было моим способом осмысления некоторых наблюдений, касающихся наркотиков и людей. Это случилось в конце 60-х, в разгар наркотического бума, когда рассказы о наркотических переживаниях были так же широко распространены, как употребление марихуаны и героина. В это время газеты и журналы начали печатать списки наркотиков, чтобы просветить публику в том, каковы их эффекты. Две вещи потрясли меня во время чтения этих данных — во-первых, насколько неправильными были мои (и людей, которых я знал) представления о наркотиках; и, во-вторых, насколько много неточной информации содержали сами таблицы. Предположения, которые я и другие делали по поводу силы и власти психоактивных веществ, казалось, не подтверждались какими-либо реально существующими доказательствами. Для меня это свидетельствовало о существовании большой неопределенной области, где играют роль мотивы и установки людей, употребляющих наркотики. Это также указывало на основные страхи нашего общества и его иррациональный подход ко всему, касающемуся наркотиков и их действия.

Примерно в это же время, хотя и по другим причинам, я стал более критично смотреть на понятие романтической любви, с которым я вырос. В нынешнем открытом обществе, в жизни, в кино, в романах и лирических песнях могут встречаться самые разные

вариации отношений между женщинами и мужчинами. В этом контексте то, что я видел, часто было обескураживающим. Отношения, которые, предположительно, вели бы к чему-то вроде совместного развития, в реальности основывались большей частью на безопасности и комфорте проводить столько времени, сколько возможно, с кем-то, полностью приспособленным к твоим потребностям. В этом случае «любить другого» в действительности означало «сократить сферу своей жизни». Что делало эти отношения замечательными для меня, так это ощущение, что было что-то фундаментальное в их природе, что делало их именно такими. Я находил только одно слово для их описания — аддикция. Индивиды «подсаживались» на кого-то, кого рассматривали как объект; их потребность в объекте, их «любовь» была на самом деле зависимостью.

Сначала эта идея была для меня только метафорой. Я не принимал ее всерьез, пока не прочитал один рассказ о повседневной жизни трех женатых пар. В своей веселой манере он показывал, что написавший его думал примерно о том же, что и я:

«Удивительно, как женитьба влияет на пользование телефоном. Например, Майк и Бетти. Когда бы я ни звонил Майку, даже если это касалось бизнеса, я должен был выносить длительные перерывы, удлинявшие разговор в два раза по сравнению с необходимым, пока он передавал Бетти, что я только что сказал. Однако, это была еще доброкачественная форма вмешательства. Бетти считала меня также и своим другом, и можно было сказать, что она проявляет интерес к моему благосостоянию, когда она прыгала перед телефоном, крича «Что он сказал?». Злокачественным это становится, когда пытаешься говорить с Германом. Мы все знали, что его жена даже с трудом отпускала его на баскетбольный матч, и когда она все же разрешала ему пойти, то сама шла с ним и заставляла его садиться как можно дальше от его друзей. А в последнее время он не мог даже говорить по телефону без того, чтобы не закрывать микрофон каждый раз, когда я что-нибудь говорил, и не повторять мое сообщение дословно своей жене, чтобы она могла сказать ему, что отвечать.»

Дженет также имеет свой стиль обращения с телефоном. В редких случаях, когда Арнольд задерживается вечером больше, чем на час или два, она звонит мне и заводит долгий, бесцельный разговор, призванный избавить, ее от необходимости делать что-либо самой. (Часто, отчаявшись найти замену,

она напивалась — плохой ход, он делал три часа без Арнольда похожими на все шесть.) Но стоило Арнольду вернуться, даже если мы только начали разговор или были в середине обсуждения важной темы, Дженет выкрикивала его имя, как только слышала звук ключа в замке, и вешала трубку, так что я не успевал даже попрощаться».

Автор продолжает описанием обычаев двух из этих пар, связанных с учебой:

«Дженет и Арнольд тщательно вырабатывали способ действий при учебе, что составляло интересный контраст в своей детальной строгости с примитивным подходом к этой проблеме Майка и Бетти. Майк, как известно, не очень хорошо выносит, когда его отвлекают. Несмотря на это, Бетти не чувствует никакой ответственности за то, чтобы не беспокоить его во время подготовки к выпускным экзаменам. Для нее настолько невыносимо терять время в своей комнате, не разговаривая с ним, что она отвлекает его до тех пор, пока он на нее не разозлится. Эта атмосфера комедии положений далека от способности Дженет и Арнольда к конвейерной работе. Эти двое имеют набор правил, гласящих, в частности, что если один из них готовится к экзамену, а у другого в это время не случилось ничего, сравнимого по безотлагательности, то вся нормальная жизнь (работа, знакомства, свобода передвижения) запрещена и для второго партнера, который должен все то время, когда первый действительно занимается, быть (а) дома, (б) в бодрствующем состоянии, и (в) в той же комнате, что и первый, но бесиумно — чтобы быть готовым исполнить любое его пожелание.

Господи, что же не так со всеми этими людьми? Неужели у них нет понятия о том, что два человека, которые едят, спят, веселятся и делают еще множество вещей вместе, могут иметь, по крайней мере, некоторые отдельные занятия и интересы, и отдельные места для того, чтобы этим заниматься? Или хотя бы с достоинством говорить по телефону по-отдельности?».

В раздраженном тоне писателя сквозит ощущение пустоты — он видит искажение индивидуальной идентичности и ограничение индивидуальных возможностей под влиянием интенсивного стремления найти безопасность в другой личности. Это универсальный паттерн, выражающий себя в разнообразных личных стилях. В конце концов, я решил рассмотреть, насколько близко этот

паттерн к аддиктивной модели. В качестве иллюстрации я приведу смешанный случай, который передает суть отношений, похожих на три вышеописанных примера. Поскольку это подразумевает получение схематического примера аддикции, я произвольно очистил его от искажающих деталей и сложностей мотивации. В нем нет ни хаотического любовного конфликта и комичной домашности Майка и Бетти, ни насилия, практикуемого женой Германа, ни странной регламентации Дженет и Арнольда. Отношения Брюса и Вики ровны и гармоничны. Именно это и называют взаимным согласием.

Эгоизм на двоих

Вики и Брюс являются индивидуальными человеческими существами только в телесном смысле; они постоянно борются за преодоление раздельности своей кожи, которая является единственным барьером на пути их полного объединения. Их прошлое объяснит кое-что в их истории. Они оба выросли в комфортных и защищенных условиях в пригороде Лос-Анджелеса. С раннего возраста они думали о профессиональной карьере и домашнем существовании. Брюс, закончивший школу годом раньше Вики, отказался от учебы в университете Плющевой Лиги, в который всегда мечтал поступить. Вместо этого, не желая покидать Вики, он поступил в университет в районе Лос-Анджелеса. Вики последовала за ним туда годом позже. Она не хотела слишком далеко уезжать от своих родителей, и фактически она жила скорее дома, чем в кампусе, так же как сделал и Брюс за год до этого, чтобы иметь возможность быть при ней. Пара каждый день вместе совершала часовое путешествие в школу и обратно, а потом они продолжали видеть друг друга в комфортном окружении своих старых соседей и в домах своих родителей. Было похоже, что они убивают время, ожидая того возраста, когда можно будет пожениться, не вызвав этим осуждения. Недостаток опыта общения с другими людьми в колледже, естественно, не дал им шанса получить правильное впечатление о себе и о том, как их видят другие. В результате, они не развили в себе взрослых качеств, которые могли бы сделать их привлекательными для людей, которые еще не знали и не любили бы их.

И вот что мы имеем. Два человека, вынужденные сохранять безопасность своих школьных отношений — возможно, в той же мере из страха разочаровать друг друга и никогда не найти ничего лучшего для себя, как и из желания, их сохранять, — соединя-

ются до срока, «пока смерть не разлучит их». В промежутке они упускают возможность пожить вне дома, хотя этот опыт их родители, принадлежащие к верхушке среднего класса, охотно бы субсидировали. Вознаграждение, которое они получают друг от друга за все жертвы, нужные для поддержания отношений — это постоянная уверенность в компании друг друга. Отдав такую большую часть себя просто за то, чтобы быть вместе, они оба чувствуют, что отношения очень много им должны. И, чтобы оправдать свое решение, они постоянно раздувают ценность друг друга, до тех пор, пока уже ничто другое не сможет сравниться в важности с партнером.

В скором времени они оставляют любые независимые интересы, которые у них были. Вики отказалась от идеи пойти в драматический клуб колледжа, потому что это отняло бы слишком много ее времени у Брюса. Они не видятся с большинством своих старых друзей, уехавших в другие колледжи. Также они не заводят и новых друзей в университете, за исключением нескольких одноклассников. Они говорят с ними об учебе и учителях, и вместе ходят на редкие вечеринки, но из-за того, что так мало их свободного времени проходит в кампусе, эти внешние отношения имеют мало значения. Пара начинает все более и более цепляться друг за друга, они все больше обращаются друг к другу за тем, чего хотят, и постепенно разрывают все связи с остальным миром, за исключением школы и своих родителей.

Вики и Брюс поженились перед его выпуском. Они решили вместе поехать в Сан-Франциско на выпускную практику. Брюс собирался пойти работать в начальную школу, а Вики планировала стать доктором философии в области истории, поскольку закончила колледж с этой специализацией. Не то, чтобы она хотела быть историком. Она считала курс истории скучным и, хуже того, ужасно трудным. Напрягаемая, а не вдохновляемая программой предыдущих лет, она прошла этот путь при помощи стимуляторов и транквилизаторов. Можно было бы поинтересоваться, почему она не восстала против этой муки и не оставила академическую карьеру. Однако, это неудивительно — личность, настолько мало расположенная рисковать безопасностью своей семьи и брака, вряд ли будет искать что-нибудь более увлекательное, чем продолжение бессмысленной академической деятельности. Фактически, она не видит альтернативы для себя, раз ее муж будет работать в начальной школе.

Вики и Брюс были озабочены отъездом в такую даль от своих семей. Они просто наслаждались регулярными визитами родителей на выходные, и часто отдавали эти визиты, заботливо разделяя время между двумя семьями или собирая их вместе на общие сборища. Они никогда не возвращались в Сан-Франциско без того, чтобы не начать разрабатывать детальный план своего окончательного переезда в Лос-Анджелес, где они купят дом поблизости от обеих семей, как только Брюс станет зарабатывать как адвокат, и их Сан-Францисский «богемный» период подойдет к концу.

К этому моменту они обустроиваются в том виде семейной жизни, который описан в начале данной главы. Женитьба дала их отношениям, благословленным родительским потаканием с самого начала, дополнительные удобства домашней жизни. Иногда они выбираются на вечернюю лекцию или другое университетское культурное событие. Однако, их знакомство с Сан-Франциско никогда не идет дальше этого. При наличии нескольких друзей, их социальная жизнь настолько же ограничена и поверхностна, как была в колледже. Несмотря на то, что они признают местные взгляды, они, безусловно, не являются частью нового Западного побережья.

Эти два недоразвитых эго образовали то, что Д. Лоуренс называл эгоизмом на двоих: два человека связываются вместе не по причине любви или возрастающего понимания друг друга, а скорее из-за своих чрезмерных затруднений и общей для обоих партнеров потери Я. По мере возрастания своей взаимной зависимости Брюс и Вики обрывали все больше связей, которые соединяли их с другими людьми, вещами и занятиями. И когда связи исчезали, они все больше и неистовей вверяли себя друг другу, чтобы защититься от все более чуждого окружения.

Мы можем частично проследить происхождение таких аддиктивных личностей, посмотрев, как росли Вики и Брюс. Ни тот, ни другая не освободились от детской зависимости от своих родителей. Они подходили к любому опыту за пределами семьи как к чему-то внешнему по отношению к себе. Хотя они оба были успешными студентами, тянувшими ярмо школьных требований, учеба имела для них мало смысла, и они говорили о ней с изрядной долей цинизма. Также они не были способны сформировать какие-либо отношения за пределами семьи, кроме одних — друг с другом. Как будто это изолированное отклонение истощило всю их энергию, которая могла пойти на то, чтобы узнать других людей. Их родители были настолько великодушны, настолько быстро готовы

обеспечить потребности Брюса и Вики, что те не имели возможности осознать, насколько они ограничены своим детским опытом. Когда Вики начала встречаться с Брюсом, ее родители, с благословения родителей Брюса, предоставили молодым любовникам свой пляжный домик, а сами сняли домик поменьше на озере Эрроухед. Парочка могла отправиться в пляжный домик и быть вместе без помех. За исключением тотальной помехи, заключавшейся в том, что молодым людям так никогда и не пришлось развить собственную отдельную волю. У Вики не было причин выходить во внешний мир, поскольку ее мать и отец были настолько внимательны к ее потребностям, настолько высоко ценили ее очарование и ум, что она не могла надеяться найти лучшее отношение где-нибудь еще. Перейдя напрямую из родительского дома в дом мужа, эта женщина никогда не имела опыта жизни в одиночестве, на своих собственных эмоциональных ресурсах, и, возможно, никогда этого не переживет. Таким образом, родители Вики и Брюса обеспечили все стадии развития своих детей, за исключением последней — независимости: не только здорового отделения от отчего дома, но и подлинной психологической независимости — того, что личность пронесит через всю свою жизнь. Именно эта завершенность Я обеспечивает ту целостность, которая является условием любого настоящего объединения двух или более людей.

Параллель с опиатной аддикцией

Похожа ли эта история на более известную модель аддикции, которую мы видим у наркоманов? Тому, насколько глубоко их сходство, и посвящена эта книга. Аддикт — это человек, не научившийся целеустремленности в отношениях с миром, который поэтому ищет стабильности и уверенности в некоторой повторяющейся, ритуализированной деятельности. Эта деятельность развивается по двум направлениям: во-первых, это комфортное ощущение благополучия, порождаемое наркотиком или другим аддиктивным объектом; во-вторых — это атрофия других интересов и способностей аддикта, общее ухудшение его жизненной ситуации вследствие аддикции. Поскольку альтернативы сокращаются, аддикция усиливается, пока не вытеснит все остальное. Настоящий аддикт движется по направлению к монomanии, будь объект аддикции наркотиком или любовником. Защищенное и обеспеченное детство Вики и Брюса не дало им понять, что полная жизнь базируется на уверенности в себе и доброкачественном энтузиазме. В результате они сделали сосредоточенность друг на

друге своей повседневной привычкой, и эта привычка стала *raison d'être* (смыслом) их существования.

Важно отметить, как действует здесь закон порочного круга. Недостаток у аддикта внутренней направленности или целеустремленности создает потребность в ритуализированном бегстве, а она, в свою очередь, осложняется исключительной вовлеченностью в аддикцию и уходом от содержания нормальной жизни. Воздействуя на болезнь личности, наркотик, как ощущает аддикт, дает ему искусственное чувство самодостаточности, которое уничтожает и ту небольшую мотивацию к сложным или трудоемким занятиям, которая у него была. Так же, как Вики и Брюс пришли друг к другу скучающими, без интересов, которые были бы достаточно глубокими, чтобы их занимать. Найдя друг друга, они стали еще менее мотивированы к обзаведению друзьями или к тому, чтобы посвятить себя работе. Их зависимость — такая же, как у наркомана — могла только возрастать с отпадением всех других занятий.

Случай Вики и Брюса не может прямо проиллюстрировать только одну важную особенность аддиктивного цикла — синдром отнятия, мучительную реакцию аддикта на прерывание его аддиктивной реализации. Вики и Брюс организовали окружение настолько тотально вокруг себя самих, что не возникало даже легкой угрозы перерыва в отношениях. Пара сопротивлялась даже временным отделениям, как в случае, когда Брюс пошел учиться туда, где ему не нравилось, только чтобы остаться со своей невестой. Любовники часто страдают от симптомов отмены (или отнятия «*withdrawal symptoms*»), если разлука все же случается. В случае Вики и Брюса, страстное желание оставаться вместе было большей частью страхом и избеганием синдрома отмены. Вики и Брюс похожи на благополучного, уважаемого опытного аддикта, который способен гарантировать себе, что никогда не будет вынужден страдать от ломки.

Зависимость от личности — только продолжение социального проявления всех аддикций. Люди, подверженные аддикции, обычно формируют для себя приватный мирок. Например, группа употребляющих один и тот же наркотик склонна давать своим переживаниям коллективные интерпретации, которые непонятны для тех, кто в группу не входит. Их не беспокоит такое непонимание, поскольку для них имеет значение только одобрение других членов группы. Это верно и для Брюса и Вики с их семейными и домашними ритуалами, их исключительной озабоченностью

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru